

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Н. Н. РОДИГИНА, Т. А. САБУРОВА

ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX В. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗРЫВЫ

Статья посвящена актуальной для современной исторической науки проблеме поколений. В статье раскрывается динамика концепта «поколение», варианты осмысления российскими интеллектуалами феноменов разрыва и преемственности поколений, особенности поколенческого дискурса в России XIX века.

Ключевые слова: *поколение, интеллектуалы, связь и конфликт поколений, идентичность.*

Поиски универсальной единицы измерения человеческой истории не единожды актуализировали идею поколений в сознании историков. Стремление соотнести идею поколений с теоретическим инструментарием исторической науки характерно и для современных представителей профессиональной корпорации историков. Однако большинство исследователей исходит из того, что поколения – реально существующие общности, представители которых объединены датой рождения¹. Мы предлагаем следующий вариант понимания поколенческой общности: поколение – это символическая общность людей, объединенных не только и не столько датой рождения, сколько переживанием общих современных им исторических событий, создающих самобытное коммуникативное пространство, социокультурные коды и осознающих свое единство и отличие от других сообществ такого рода. В этом случае поколение выступает как один из возможных способов идентификации и самоидентификации, а также как способ осмысления и периодизации исторического развития.

История поколений в России тесно связана с историей интеллигенции (интеллектуалов), которые формировали и транслировали как собственно идею поколения, так и характерные черты, отличающие одно поколение от другого, становясь его «глашатаями». В русском обра-

¹ См. напр.: Соколов. 2007. С. 94-334; Соколов. 2005. С. 439-470; Данилов. 2005. С. 108-145. и др.

зованном обществе зародилась и сформировалась идея разрыва поколений как необходимое условие в развитии самосознания интеллигенции, способ осмысления происходящих перемен и воплощения идеи борьбы старого и нового в обществе и культуре. Известный русский философ Г. П. Федотов, используя популярную поколенческую риторику, писал: «Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру»².

Мы ставим перед собой следующие задачи: раскрыть динамику концепта «поколение» и определить варианты осмысления русскими интеллектуалами феноменов разрыва и преемственности поколений, выявить особенности поколенческого дискурса в России XIX столетия.

Исходя из положения о неразрывной связи общества и культуры, взаимодействии ментальных и социальных структур (не сводя это взаимодействие к зеркальному отражению), мы солидарны с А. С. Ахиезером в том, что «этот сдвиг в ракурсе рассмотрения может быть выражен в форме особой социокультурной теории и методологии изучения человека, общества, где предмет исследования не редуцируется ни к человеческим отношениям в любой их форме, ни к культуре, но нацеливает познание прежде всего на переход между этими двумя аспектами человеческой жизни и деятельности, на их взаимопроникновение, взаимокритику, на способность человека эффективно свершать этот переход, рассматривать эту способность как возрастающую ценность»³. Важно, что интеллигенция, формируя культуру, являясь одним из ее создателей и носителей, служит своеобразным проводником между сферой культуры и социальных отношений, не только внося и перенося определенные идеи и ценности в общество, но в процессе трансляции наполняя их новым смыслом. По определению А. С. Ахиезера, «осмысление – это, прежде всего, фокусация культуры на интересующее субъекта явление, соответствующее переструктурирование культуры... Смысл – это культура, тяготеющая к концентрации в точке осмысления. Культура – это смысл, тяготеющий развернуться в бесконечность»⁴. Таким образом, исследование проблемы поколения находится в русле социокультурной и культурно-интеллектуальной истории, что позволяет соединить исследование формирования и развития концепта поколения и поколенческого разрыва, выделить особенности их смыслового содержания и способы конструирования, учитывая специфику российского общества, его соци-

² Федотов. 1990. С. 405.

³ Ахиезер. 2000. С. 29.

⁴ Там же. С. 31.

альной структуры и властных институтов, создав в результате «маршрут понятия» в пространстве культуры и социума.

Как утверждает П. Нора, Французская революция стала основательницей идеи поколения в истории, «не столько потому, что она вызвала к жизни конкретное поколение (это поколение будет замечено лишь позднее, благодаря исторической ретроспекции), сколько потому, что она открыла, сделала возможной, приблизила, заложила вселенную перемен и тот эгалитарный мир, исходя из которого только и могло возникнуть “поколенческое сознание”»⁵. Историческое сознание является необходимой предпосылкой формирования концепта поколения, историческое сознание как отражение и фиксатор ускоряющегося хода истории, социальных и культурных перемен, для осмысления которых и используется концепт поколения. В таком случае можно рассматривать формирование концепта поколения как проявление модернизации общества и культуры, а возрастание его значимости и актуальности связывать с ускорением модернизационных процессов, которое неизбежно приводит к ситуации конфликта между старым и новым. Этот конфликт находит воплощение и в конфликте поколений. Следовательно, концепт поколения становится востребованным, прежде всего, в эпоху перемен, становясь способом осмысления происходящих процессов и событий. Вновь сошлемся на мнение П. Нора: «Структурный, формирующий *поколение* признак проявляется либо в критические моменты жизни общества, когда происходит резкое отмежевание, выделение некоей общности людей – с “роковой”, героической, трагической и т.п. судьбой, либо по истечении времени – в ретроспективе: “незамеченное поколение” могло получить свое именование лишь после достаточно длительного “незамечания”. Однако представление о “потерянном поколении” сложилось вскоре же после первой мировой войны (при участии литературы). В отличие от кризисных эпох *поколение* в стабильном обществе – преимущественно возрастная категория; связь между поколениями осуществляется путем более или менее плавной передачи традиции»⁶.

Поколенческий дискурс в России начинает формироваться на рубеже XVIII–XIX вв., отражая становление нового типа идентичности (поколенческой) в русском образованном обществе. Анализ разноплановых исторических источников свидетельствует о том, что в русском обществе XVIII в. поколенческая идентичность была слабо акцентирована и проявлялась только в рамках семейных отношений, что достаточно

⁵ Нора. 1998. С. 51.

⁶ Чудакова. 1998. С. 73-74.

традиционно. Но ускорение темпов культурного развития России, расширяющийся процесс европеизации спровоцировал «разрыв» в ценностных ориентациях родителей и детей, актуализируя понятия «старины и новизны», «своего и чужого» в культуре. В результате культурных трансформаций на рубеже XVIII–XIX вв. понятие «поколение» наполнилось не только определенным «возрастным» смыслом, но и выступало в качестве конкретного социокультурного кода. Исследование поколенческой идентичности эффективно при одновременном использовании возрастного и семантического критериев, что позволяет избежать абсолютизации возрастных или социально-культурных различий, но раскрыть базовые для поколения «социальные сценарии» и возможности утверждения соответствующей картины мира, учитывая общность впечатлений и переживание исторических событий в определенном возрасте.

В этот период (период формирования новой культурной идентичности русского образованного общества, которую можно определить как национальную и европейскую, причем национальное в данном случае понимается как выражение европейского начала в культуре) поколенческая идентичность может служить воплощением новой культурной идентичности, выражая тем самым в «разрыве» поколений идентификационные новации в культуре в целом.

Следует заметить, что в связи с событиями Отечественной войны 1812 г. произошла актуализация национальной идентичности на волне патриотических чувств, активно транслировались идеи национально-государственной консолидации. По выражению С. Хантингтона, «французы, англичане, а следом за ними голландцы, испанцы, пруссаки, германцы и итальянцы “выплавили” свои национальные идентичности в тигле войны»⁷. В России в этой ситуации внешней угрозы произошло расширение идентичности, «сняв» на время тем самым проблему поколенческой идентификации. Сошлемся на мнение С. Хантингтона о том, что «чем активнее взаимодействие с представителями географически удаленных и основанных на иных ценностях культур, тем шире становятся идентичности»⁸. Однако именно совместное переживание такого значимого события, как Отечественная война 1812 г., ставшего своеобразным «местом памяти» для русского общества, сделало востребованным концепт «поколение», так как «места памяти» служат важным источником поколенческой солидарности. Это подтверждается широким использованием в разнообразных текстах выражения «дети 1812 года».

⁷ Хантингтон. 2008. С. 61.

⁸ Там же. С. 54.

Речь идет, прежде всего, о «молодом поколении», которое вступает в активную политическую, литературную, государственную, общественную деятельность в царствование императора Александра I. Способ самоидентификации «отцы – сыновья» получил распространение наряду с другими и стал одним из выражений национальной и культурной идентичности русского образованного общества. Представляет интерес и тот факт, что «автообраз» поколения, созданный в первой четверти XIX в., транслируемый затем в мемуарах второй половины XIX в., определил дальнейшее восприятие этой эпохи и воспроизводился также в исторических сочинениях. Так, В. О. Ключевский отмечал важную перемену, совершившуюся в том поколении, которое сменило екатерининских вольнодумцев: «Веселая космополитическая сентиментальность отцов превратилась теперь в детях в патриотическую скорбь. Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между отцами и детьми»⁹.

Важно отметить, что в поколенческом дискурсе начала XIX в. «молодое» поколение не противопоставлялось «старому» поколению, транслировалась идея не разрыва, а наоборот, связи поколений. Возможно, это связано с «открытием» исторической непрерывности, связи времен в историческом сознании общества, в немалой степени и под влиянием историографии этого времени.

История «новой России» начиналась в исторических трудах в XVIII столетии с преобразований Петра Великого, что создавало прочную связь между веком XVIII и веком XIX в общественном сознании на основании процесса реформирования страны, просвещения и европеизации. «Осьмнадцатое столетие» стало базовым элементом, необходимым для формирования государственной и культурной идентичности. Кроме того, общественный подъем начала XIX в., связанный с началом царствования Александра («дней Александровых прекрасное начало»), соединение интеллектуалов и власти, патриотический подъем, вызванный Отечественной войной 1812 г., все это делало востребованным концепт связи поколений, фиксируя внимание только на возрастных категориях и их преемственности. Это подтверждает наблюдение П. Нора о том, что «признанные подъемы общественного консенсуса точно совпадают по времени с заметным ослаблением противостояния отцов и детей в борьбе за автономию поколений»¹⁰.

⁹ Ключевский. 1993. С. 420.

¹⁰ Нора. Указ. соч. С. 66.

В воспоминаниях о своей молодости известный поэт и критик князь П. А. Вяземский подчеркивал связь со старшим поколением (как старших братьев, так и отцов). Общность эта поддерживалась воспитанием, образованием, кругом чтения. Вяземский писал: «Я был помещен в иезуитский пансион. После предварительного и легкого испытания определен я был во второй класс, то есть средний. В этом классе товарищи были все более или менее ровесниками моими. Это было по учению. Но вскоре отношения и сношения мои связались гораздо теснее с воспитанниками старшего класса. Все они были старше меня: иные опережали меня четырьмя и пятью годами... Стало быть, в характере моем, в уме были до некоторой степени развиты привлекательные свойства, которые сближали меня со старшим поколением»¹¹. Говоря об обучении в пансионе при педагогическом институте, Вяземский снова отмечал: «в новой ученической среде я также не по чину и не по возрасту вращался с поколением, меня опередившим»¹². Подтверждая тезис о создании общности поколения литературой, он называл в качестве объединяющего начала имена Державина, Карамзина, Дмитриева. И затем Вяземский отчетливо фиксировал ситуацию разрыва поколений на основании отношения к литературе конца XVIII – начала XIX в., разрыва между своим поколением, ставшим ко времени написания текста (второй половине XIX в.) уже поколением отцов, и нового молодого поколения.

Таким образом, учитывая значение литературы в жизни русского образованного общества XIX в., неудивительно, что отношение к литературным произведениям и их создателям становится одним из главных элементов, конструирующих поколение в общественном сознании. В посвященной К. Н. Батюшкову статье (1851 г.) П. А. Вяземский считал важным напомнить молодому поколению, которое он называл «мимоидущим», «почти чуждое» этому поколению имя Батюшкова. В этот период молодое поколение выступало для Вяземского как чужое, не знающее и не признающее имена, которые были «своими» для его поколения. «Новое поколение знает о старой и средней литературе нашей из одних новых журналов. Эти журналы не имеют времени, а может быть, и охоты заняться полным и добросовестным изучением писателей не только уже отживших поколений, но даже и тех, которых память еще свежа, или писателей еще живущих, но имевших неосторожность родиться до появления этих журналов»¹³.

¹¹ Вяземский. Из «Автобиографического введения»... С. 251.

¹² Там же. С. 256.

¹³ Вяземский. К. Н. Батюшков... С. 217.

Взаимоотношения с поколением отцов (подчеркнутая общность) являлись для Вяземского еще одним признаком, по которому противопоставлялось его поколение и молодое, конфликтующее с отцами. В сконструированном Вяземским «автообразе» поколения такого конфликта и разрыва нет. Ярким примером является биографическая статья о Нелединском, которого Вяземский причислял к поколению отцов. Описывая жизнь в Вологде после оставления Москвы в 1812 г., Вяземский сообщал: «Разность лет наших могла бы служить препятствием к совершенному сближению. Но родовая приязнь, обстоятельства, общее бедствие, совершенное отсутствие развлечения могли достаточно сгладить эту неравность. К тому в свойствах Нелединского было много сочувственного молодости. В моих, судя по многим опытам, и в молодом моем возрасте, должно было быть какое-то особенное сочувствие с летами зрелыми... Сочувствия мои и связи ни тогда, ни после, ни ныне не справлялись и не справляются с метрикою. В молодости моей я не скушал со стариками и был в приятельских связях с людьми гораздо меня старше. Ныне я не одичал для молодости»¹⁴.

Выражением связи между молодым и старшим поколением, стали отношения П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, С. С. Уварова, В. А. Жуковского с Н. М. Карамзиным, воспринимавшимся как представитель старшего поколения (по возрасту и в литературе), и ставшим одним из «кумиров» молодого поколения, которое символизировало создание литературного общества «Арзамас». Эта близость поколений отмечается как черта ушедшего времени и в воспоминаниях М. А. Дмитриева. «Знавшие его прежде молодые люди, князь Вяземский, Жуковский и их ровесники, конечно, много услаждали его своим обществом и оказывали величайшее уважение и ему, и его таланту; но они были ему не ровесники, люди другого поколения, хотя не отличались от его направления так резко, как ныне отличаются молодые поколения от старых. Гармонии в обществе было тогда больше»¹⁵.

Русские интеллектуалы начала XIX в. осознавали себя как особое поколение не столько по отношению к предыдущим поколениям, сколько по отношению к будущим поколениям, определяя задачи своей деятельности в настоящем, исходя из ценности будущего времени и поступательного хода истории. Следовательно, они конструировали поколенческую идентичность на основании включения поколения как ступени в прогрессивном и закономерном историческом развитии, и

¹⁴ Вяземский. Ю. А. Нелединский-Мелецкий... С. 283.

¹⁵ Дмитриев. 1998. С. 109.

соответственно конструкт связи поколений явно доминировал над конструктом разрыва поколений. В этом случае, мы можем предположить, что характер исторических представлений, особенности исторического сознания определили и содержание поколенческой идентичности. Утверждение идеи связи времен обусловило идею связи поколений и обязательств, долга, ответственности старшего поколения перед младшим. В связи с надеждами на конституцию в России, особенно после дарования императором Александром конституции Польше в 1818 г., поколенческая риторика определяется осознанием важности и необходимости конституционных реформ в России, причем необходимостью в настоящее время, чтобы подготовить почву для будущего. Идея свободы становится одной из ключевых для поколенческого дискурса этой эпохи. В письме А. Тургеневу П. Вяземский писал: «Надобно, чтобы наше поколение положило всему основание. Но если дети наши родятся на старом ходу, то – все прости! Мы – воспитанники судьбы; они будут воспитанниками привычки»¹⁶. Ценность деятельности в настоящем обосновывается также исходя из блага будущих поколений: «Оставим потомству след жизни, завладеем мнением, которое разогреется и очнется в руках наших! Теперь самая пора: дети нам спасибо скажут. Мы доселе прокрадываемся по жизни, а надобно шагать твердо»¹⁷.

Другой важной составляющей поколенческого дискурса 1800–1820-х гг. стала категория «молодости», которая часто выступала в качестве системообразующего признака самосознания поколения, хотя реальные возрастные границы этого понятия были весьма размытыми. В начале XIX в. в России только начинается «автономизация молодежного материка», на этом этапе «молодые реально берут на себя роль взрослых», «берут на себя динамику политических и социальных трансформаций»¹⁸. Об этом свидетельствует знаменитый «кружок молодых друзей» императора Александра. Характеризуя их, В. О. Ключевский, использовал поколенческую идентификацию: «То были люди, воспитанные в самых передовых идеях XVIII в. и хорошо знакомые с государственными порядками Запада; они принадлежали к поколению, непосредственно следовавшему за дельцами екатерининского времени. Во второй половине этого царствования они принадлежали к великосветской молодежи, которая вместе с манерами французских салонов усваивала незамет-

¹⁶ Остафьевский архив... С. 341.

¹⁷ Там же. С. 377.

¹⁸ Нора. Указ. соч. С. 57-58.

но и политические идеи французской литературы просвещения»¹⁹. То же самое относится и к событиям 14 декабря 1825 г., которые воспринимались и воспринимаются как действия молодого поколения (подчеркивая общность воспитания, взглядов и возраста). В. О. Ключевский, говоря о движении декабристов, отмечал, что они были частью дворянского класса, в которой господствовал известный образ мыслей, известное настроение, но «эта часть была собственно известный возраст, известное поколение; катастрофа 14 декабря сделана была дворянской образованной молодежью. Это легко заметить, просматривая графу о возрасте в списке лиц, которые судились по делу 14 декабря. Всех лиц к ответственности было призвано 121; из них только 12 имели 34 года, значительное большинство остальных не имело и 30 лет»²⁰.

«Молодость» поколения подчеркивалась и в саморепрезентациях русских интеллектуалов 1800–1820-х гг., при этом молодость порой понималась как неопытность, нереализованность устремлений, невозможность принятия самостоятельных решений. А. И. Тургенев в письме П. А. Вяземскому писал: «Пока мы не подрастем, в случае если мы не сгнием заблаговременно, не будет людей в государстве, которые бы людей же могли употребить на дело. Но до поры, до времени об этом и с приятелями говорить не должно»²¹. В данном случае молодость выступает не столько как возрастная категория, сколько как смысловая характеристика способов деятельности, реализации и социализации.

Одним из символов этого поколения стал император Александр I, что характерно как для самосознания людей этой эпохи, так и для восприятия ее следующими поколениями. В. А. Жуковский в письме А. И. Тургеневу в связи со смертью императора Александра писал: «Жизнь нашего Александра была лучшим временем нашей жизни: время наших надежд; наша деятельность принадлежит его веку; он был слит со всем нашим лучшим»²². В мемуарной литературе и публицистике получили широкое распространение выражения «личности Александровского времени», «поколение Александровской эпохи». Во второй половине XIX в. образ этого поколения стал важным элементом в формировании идентичности русского образованного общества. Заметим, что поколение Александровской эпохи конструировалось во второй половине XIX века как образец, идеальный тип, воплощающий необходи-

¹⁹ Ключевский. Указ. соч. С. 386.

²⁰ Там же. С. 413.

²¹ Остафьевский архив... С. 159.

²² Письма В. А. Жуковского... С. 203.

мые для интеллектуала качества, сознательно противопоставляемый интеллигенции 1860–1870-х гг. Декларировался разрыв поколений, и старшее поколение наделялось ярко выраженной положительной идентичностью. Примером может служить очерк К. Д. Кавелина, посвященный А. П. Елагиной, в котором он отмечал: «Между поколением Александровской эпохи, к которому принадлежала покойная Елагина, и теперешним лежит целая бездна. Не только нашим детям, но даже нам самим трудно теперь вдуматься в своеобразную жизнь наших ближайших предков. Лучшие из них представляли такую полноту и цельность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имеем теперь понятие. Отдельно взятые, лучшие личности Александровского времени изумляют высоким просвещением и нравственным идеализмом не только на словах, но и на деле... в них, несмотря на все превратности судьбы, не было и тени той угловатости, односторонности, резкости, ни той нравственной надорванности, которые составляют обычные недостатки нашего поколения и еще более, чем нас, удручают тех, которые следуют за нами»²³. В этом случае модель поколения конструировалась с позиции «младших», что представляет интерес с точки зрения сосуществования, взаимодействия поколений.

Таким образом, мы можем сделать вывод о формировании поколенческой идентичности русских интеллектуалов в первой четверти XIX в., поскольку существование нового поколения декларируется в этот период, и конструируется «автообраз» молодого поколения как возрастной и культурной категории с характерным набором смыслов и символов. При этом поколенческая идентичность представляется достаточно размытой, ее заслоняет идентичность национальная и социальная. Поколенческий дискурс утверждает в большей степени идею преемственности, а не разрыва поколений, и поколенческие сюжеты представляют, прежде всего, сюжеты социализации. В 1860–1870-е гг. сосуществуют, во-первых, образ этого поколения, транслируемый его представителями в мемуарной литературе, дополненный конфликтной поколенческой риторикой в отношении современного молодого поколения и ностальгически целостным восприятием Александровской эпохи, и, во-вторых, образ, создаваемый младшим поколением в русле романтической культурной традиции, но также утверждающий идею разрыва поколений, ставшую стереотипной формой манифестации собственных ценностей.

В середине 1850-х гг. начало нового царствования, подготовка и проведение модернизационных реформ вновь актуализировали идею

²³ *Кавелин*. 1989. С. 143-144.

поколений в сознании русских интеллектуалов. Общественное единение первых лет правления Александра II, впоследствии ностальгически названное современниками «весной нашей юной общественности», первоначально востребовало идею преемственности поколений как необходимого условия обновления России. Риторика преемственности нашла свое воплощение в одном из основных документов крестьянской реформы 1861 г. – «Манифесте о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»: «...дело изменения положения крепостных людей на лучшее есть для нас завещание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою Провидения»²⁴.

В этот период оформляются первые идеологические версии поколенческого дискурса. Надежды на совместное участие поколений отцов и детей в реформировании империи предопределили содержание либерального подхода к поколенческой градации истории, суть которого состояла в интерпретации истории как последовательной смены поколений-преемников. Его достаточно определенно сформулировал историк К. Д. Кавелин, писавший о том, что каждому поколению предназначена своя историческая задача. Миссию своего поколения он видел в уничтожении крепостного права, предназначение последующего поколения – в том, чтобы «взрастить и выходить» социальные институты, рожденные эпохой реформ²⁵.

Мемуары либеральной молодежи 1850-х – начала 1860-х гг. свидетельствуют о сохранении в исторической памяти современников образа поколений-союзников в деле *обновления* России. Сошлемся на типичную в этом смысле реплику из воспоминаний малоизвестного мемуариста В. Сорокина: «Старики молодели около нас и вместе с нами горячо, неустанно работали и служили для всех и каждого милому и дорогому делу всеобщего возрождения, волновались радужными надеждами и изо всех сил стремились к осуществлению высоких задач того времени. Молодежь ухаживала за старыми, передовыми бойцами, с увлечением слушала их и училась у них мыслить и работать ради блага общественного»²⁶.

Разочарование в темпах, масштабах и первых результатах либеральных реформ предопределило начало социокультурного и идейного раскола как в среде русских интеллектуалов, так и во взаимоотношениях власти и образованного общества. Кроме того, эмансипационные реформы активизировали модернизационные изменения в обществен-

²⁴ Конец крепостничества в России. С. 212.

²⁵ Политическая история России. С. 221.

²⁶ Сорокин. 1888. С. 616.

ном сознании, в том числе и отказ от присущей традиционной культуре ориентации на обычаи, ценностные и поведенческие образцы предков. Боровшиеся за символическое господство над молодой мыслящей Россией общественно-политические течения взяли на вооружение идею поколений как средства консолидации своих сторонников. Первыми включились в борьбу «за молодое поколение» демократы. Движимые всепоглощающей верой в поступательное развитие человечества, позитивисты Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, Д. И. Писарев провозгласили основным двигателем социального прогресса борьбу поколений как борьбу старого и нового. Обращение к теории поколений у демократов возникло в связи с потребностями практики политической борьбы. Отцы были объявлены консервативной силой, будущее признавалось только за новыми/молодыми людьми, «надежды которых еще не обрезаны опытом»²⁷. За поколением отцов закреплялись отрицательные оценочные коннотации: «крепостники», «дети николаевского безвременья», «виновники поражения в позорной для России Крымской войне», «беспочвенные идеалисты». Образ молодого поколения конструировался по принципу бинарных оппозиций как поколения прогрессивного, нового, эмансипированного, реалистичного. Идея борьбы поколений для демократов была не только предметом теоретической рефлексии, но и последовательного практического воплощения в деятельности по социальной мобилизации молодого поколения. Первой попыткой трансляции демократами своих идей образованной молодежи стали прокламации. В одной из них, символично названной «К молодому поколению» (сентябрь 1961 г.), Шелгунов писал: «Молодое поколение! Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми более всего способными спасти Россию, вы ее настоящая сила, вы вожаки народа... Мы верим в свои свежие силы, мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы...»²⁸.

Прокламации, не получив массового распространения, тем не менее, способствовали популяризации поколенческой риторики и обострению в общественном мнении проблемы взаимоотношения поколений. После появления «Молодой России» (май 1862 г.), прокламации, призывавшей к радикальному разрушению общественного строя во имя новых революционных ценностей, сами прокламации стали для либеральных и консервативных современников одним из символов нового нигилистического поколения, отрицавшего все созданное предшественниками.

²⁷ Олейников. 2005. С. 148.

²⁸ Шелгунов. 1958. С. 86.

С начала 1860-х гг. ареной борьбы за «молодое поколение» и основным институтом конструирования поколенческой идентичности, наряду с кружками и университетами, становятся «толстые журналы». Об осознании политически ангажированными современниками роли общественного мнения в социальном программировании молодежи наглядно свидетельствует реплика популярного среди молодежи журнала «Русское слово»: «Каждое поколение, воспитанное предыдущим, в свою очередь, воспитывает следующее, следовательно, в руках настоящего поколения (в данное время) находится как воспитание, так и вся будущность следующего поколения... Располагая такой страшной силой, которую дает воспитание, и тем влиянием, какое может оказывать мнение большинства на умы людей мало способных рассуждать сами за себя... общество могло бы выиграть более, пустив в оборот все свои сильнейшие нравственные элементы, нежели оно имеет от виселиц и тому подобных пугал на огородах современной гражданской жизни»²⁹. Роль журналов в формировании новых поколений отчетливо осознавалась современниками. Уже упомянутый нами Н. В. Шелгунов в своих воспоминаниях упоминал о том, что в конце 1860-х – начале 1870-х гг. многие называли «Современник» журналом молодого, а «Русское слово» – журналом юного, подрастающего поколения³⁰.

В 1862 г. тема борьбы поколений становится одной из ключевых в общественном мнении империи. Умеренно-либеральный журнал «Русский вестник», который редактировал будущий идейный лидер русского консерватизма М. Н. Катков, публикует роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Важно, что Катков выступил в качестве издателя и редактора романа и, как известно, оказывал определенное влияние на его замысел и текстовое воплощение, включившись, таким образом, в борьбу с нигилизмом нового поколения. Литературный критик А. М. Скабичевский вспоминал: «До 1862 г. никто еще не помышлял ни о каком антагонизме между старшим и молодым поколениями. Различались красные, постепенновцы, реакционеры и крепостники исключительно на политической почве, без различия возрастов. Тургенев своим романом впервые осветил ту пропасть, какая зияла между отцами и детьми, людьми 40-х и 60-х годов»³¹. Вне зависимости от мотивов Тургенева его произведение стало знаменем борьбы между отцами и детьми, развернувшейся не только на страницах общественно-политических и литературных журналов, но и в

²⁹ Современная летопись... С. 10.

³⁰ Шелгунов. 1923. С. 171.

³¹ Скабичевский. 2001. С. 288-289.

литературных салонах, семейных гостиных. Именно на этом фоне появляется самый радикальный вариант решения проблемы поколений, придуманный 18-летним П. Ткачевым в Петропавловской крепости: «Уничтожить всех людей старше 25 лет как носителей идей старого мира»³².

Литературоцентричность сознания современников способствовала распространению семейных поколенческих конфликтов. Мемуарное наследие образованных русских дает основание говорить о гендерной детерминированности интерпретации конфликта «отцов и детей» в социокультурном пространстве пореформенной Российской империи: мужчины репрезентировали его как явление общественной (публичной), женщины – семейной (частной) жизни. Популярность идей женской эмансипации, расширение традиционных социальных ролей женщины под влиянием модернизации приводили к распространению конфликтов между «матерями», сторонницами сохранения присущих патриархальному обществу социальных ролей (жены, матери, хозяйки) и «дочерьми», стремившимися к гендерной независимости. В воспоминаниях А. Я. Панаевой, Е. Н. Водовозовой, С. В. Ковалевской мы встречаем многочисленные описания таких конфликтов, ставших одной из причин появления института фиктивных браков для спасения «женщины от гнета родительской семьи».

Впервые в социокультурной истории России тема конфликта поколений начала конкурировать с политическими и идеологическими вопросами по степени актуальности или становилась формой обсуждения этих вопросов. «Каждый русский писатель, рассуждающий о современных вопросах, затронет непременно, так или иначе, вопрос о действующем поколении», – утверждал в 1869 г. Н. В. Шелгунов³³.

Властители дум читающей России претендовали на разработку собственных версий системы ценностей и модели поведения нового поколения, культивируя в нем те черты, которые считало наиболее ценностно-значимыми в рамках своей идеологической парадигмы. В числе наиболее востребованных юными современниками был образ *нового* человека, предложенный идейным лидером журнала «Русское слово» Д. И. Писаревым. Анализируя «романы поколения» («Отцы и дети» Тургенева и «Что делать?» Чернышевского), 25-летний критик называл отношение к труду ключевым в описании поколений «отцов» и «детей»: «*Новые* люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни, и этот взгляд на труд составляет чуть не самое существенное

³² Ткачев. 1975. С. 8.

³³ Шелгунов. 1869. С. 33.

различие между старыми и новыми людьми... Опираясь на свой любимый труд, выгодный для них самих и полезный для других, новые люди устраивают свою жизнь так, что их личные интересы ни в чем не противоречат действительным интересам общества... Поэтому, кто любит труд тот, действуя в свою пользу, действует в пользу всего человечества, кто любит труд, тот сознательно любит самого себя, тот в самом себе любил бы всех остальных людей, если бы не было на свете таких господ, которые невольно или умышленно мешают всякому полезному труду»³⁴.

Тексты Писарева о *новых людях* можно интерпретировать как стремление к осознанной героо-центричной мифологизации *нового поколения*. *Новых людей* – тех, в «ком заключается наша действительная сила» и на кого «молодое смотрит с полным сочувствием, а все дряхлеющее с самым комическим недоверием не много»³⁵. Им досталась слава геройских страданий, гонений, неутомимой, ненасытной ненависти, «всякое старье и тряпье» их обвиняло в невежестве и деспотизме мысли; их старались заклеить как свистунов, нигилистов, мальчишек; им приписывали сооружение «бомбы отрицания» и «калмыцкие набеги на науку». *Новые* люди равнодушны к такому участию со стороны *старого* мира. Они дорожат своими убеждениями, не хотят маневрировать и менять флаги, они уверены в себе и «любят живую, сознательной любовью свои идеалы». Таким образом, Писарев провозглашал разрыв с прошлым, в том числе и с предшествующим поколением как одну из ключевых характеристик поколения 1860-х гг.

Одна из первых исследовательниц людей 1860-х гг. как представителей поколенческой общности Т. А. Богданович так писала об этом: «Никогда до тех пор “дети” не порывали так дерзко с отцами, принявшими их на первых порах в открытые объятия»³⁶. Это поколение ориентировано на будущее, на преобразование *старого* мира в соответствии с *новыми принципами*. Набор этих принципов отражал изменение ценностных ориентиров молодых современников под влиянием модернизации: рационализацию и секуляризацию сознания, материализм, индивидуализм, разрушение патриархальных и монархических иллюзий.

Образ *новых людей* для Писарева, как и для всей читающей России 1860-х гг., воплощали не реальные люди, а литературные персонажи – тургеневский Базаров, герои Н. Г. Чернышевского (Рахметов, Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов). В своей статье, посвященной творчеству

³⁴ Писарев. 1865. С. 7-13.

³⁵ Там же. С. 1.

³⁶ Богданович. 1929. С. 7.

Л. Н. Толстого, с «говорящим» названием «Прوماхи незрелой мысли», к базаровскому типу критик относил тех своих современников, которым от 20-ти до 30-ти лет. Печорина, Рудина, Иртеньева и Нехлюдова он относил к типам «прошедшего» поколения, «скромно доживающего свой век, и уже не обновляющегося притоком новых представителей»³⁷. Таким образом, литературные герои для Писарева, как и для значительной части его коллег «по литературно-критическому цеху», были примерами, образцами, идеальными типами, выполняющими свою дидактическую роль в процессе воспитания *нового* поколения. Они наделялись теми чертами, которые Писарев считал необходимым культивировать/искоренять в молодом поколении, призваны были символизировать те ценности, которые олицетворяла/отрицала *новая* эпоха. Мы имеем дело с ясно выраженной позицией социального программирования читателей как будущих деятелей *новой* поколенческой общности.

Представители поколения «отцов» в 1850–1870-е гг. практически не принимали участия в публичной общественно-политической дискуссии о поколениях, но в автобиографических текстах активно рефлексировали по этому поводу. Так, П. Вяземский в 1860-гг. осознал и фиксировал наличие поколенческого разрыва, конфликта отцов и детей, который становится знаковым для этой эпохи: «Молодежь ставит себя выше отцов, потому что она попала в высший разряд. Нет сомнения, что новое поколение пользуется выгодами и преимуществами, до которых отцы не дослужились. Сии преимущества, сии завоевания и победы времени, конечно, обращаются ему в пользу; но они не могут быть признаны достоинствами каждого лица в отдельности. Благодарите за них провидение, но не гордитесь ими в унижение предков»³⁸. Таким образом, Вяземский в очередной раз подчеркивал важность связи поколений, воспринимая поколенческий разрыв как существующее, отчасти неизбежное, но негативное явление. Более того, размышляя над проблемой взаимоотношений поколений, Вяземский прогнозировал повторение поколенческих разрывов, но, с другой стороны, надеялся и на возобновление преемственности в цепочке поколений, обращение к опыту если не отцов, то дедов и прадедов. «Как мы многое отвергли из того, что перешло к нам от дедов, так и XX век, который уже не за горами, вероятно, отвергнет многое, чем мы ныне так щеголяем и гордимся. Нынешние страстные нововводители будут в глазах внуков наших запоздалые старообрядцы. Как знать? может быть, внуки наши если помянут старину,

³⁷ Писарев. 1864. С. 4.

³⁸ Вяземский. Стихотворения Карамзина... С. 227.

то перескочат чрез наше поколение и возобновят прерванную связь с поколениями, которые нам предшествовали»³⁹. Записи в дневнике цензора А. В. Никитенко свидетельствуют о его мучительных раздумьях о причинах поколенческого разрыва, о поисках противодействия разрушительным нигилистическим идеям, стремительно набиравшим популярность у нового поколения. «Настоящее поколение признает одно начало – оппозицию против всякой руководящей власти, всякого нравственного авторитета. Оно признает за собою – и только за самим собою – безусловную свободу! Есть ли это начало плодотворное? Тут только одно отрицание, а зиждательного ничего нет. Пусть бы оно, это поколение, рвалось вперед; но пусть же оно несло бы с собою и какие-нибудь зачатки нового, лучшего порядка вещей. Быть способным к одному отрицанию значит быть ни к чему не способным... Пустота родит пустоту, из ничего ничего не бывает», – читаем дневниковую запись от 16 марта 1862 г.

Тема взаимоотношений поколений была актуальна и для А. И. Герцена, особенно в последние годы жизни. В передовых статьях «Колокола», «Полярной звезды», в переписке с М. А. Бакуниным, Н. П. Огаревым, в ожесточенных спорах с «молодой эмиграцией», неоднозначно оценивая «нигилизм нынешних детей», Герцен, тем не менее, подчеркивал преемственность поколений, утверждая, что «декабристы – наши великие отцы, Базаровы – наши блудные дети»⁴⁰. Именно преемственность поколений была, по мнению Герцена, одной из причин сохранения пережитков крепостничества в русском общественном сознании: «Свободной России мы не увидим. Весь наш труд – в ломке препятствий и расчищении места. Мы умрем в снях, и это не от того, что при входе в хоромы стоят жандармы, а от того, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов, сеченных кнутом и битых батогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов – палачей вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, судивших декабристов, судивших Польшу, служивших в III отделении, забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян. От того, что в жилах наших лидеров, наших журнальных запевал догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях...»⁴¹.

Начиная со второй половины XIX в. проявляются мировоззренческие группы в рамках поколенческих общностей. В 1860-е гг. наиболее активное участие в конструировании и репрезентации автообраза поко-

³⁹ Вяземский. Отметки при чтении... С. 372.

⁴⁰ Более подробно об этом: Дрыжакова. 1999. С. 194-214.

⁴¹ Герцен. 1960. Т. XIX. С. 297-298.

ления «шестидесятников» принимала демократическая, а впоследствии народническая интеллигенция. Образ поколения 1860-х гг. не был «автообразом» возрастной общности, так как в его конструировании принимали участие не только представители когорты сверстников. Наряду с Д. И. Писаревым (1840 г.р.), Н. А. Добролюбовым (1836 г.р.), А. М. Скабичевским (1838 г.р.), Н. К. Михайловским (1842 г.р.), адептами идеи поколений пореформенной эпохи были Н. В. Шелгунов (1824 г.р.), Н. Г. Чернышевский (1828 г.р.), то есть люди поколения-предшественников. Таким образом, поколенческая принадлежность во второй половине XIX в. означала не столько возрастную, сколько мировоззренческую идентичность, моделировавшуюся по принципу отношения к идеям и «замыслу» предшествующей эпохи. Не случайно самоназванием поколения стала номинация «новые люди», а оценочное название, присвоенное идейными оппонентами – «нигилисты». Образ поколения 1860-х гг. первоначально конструировался по принципу бинарных оппозиций людям 1840-х гг., а в 1870–1880-е гг. – *новым поколениям интеллигенции*. Заметим, что разрыв поколений в этом случае является способом утверждения позитивной идентичности, не воспринимаясь в негативном, страдательном модусе.

Публицистические, художественные, мемуарные тексты, созданные «шестидесятниками», свидетельствуют о мифологизации своего поколения, которая впоследствии была воспринята и утвердилась как штамп в поколенческом дискурсе поколений, называвших себя идейными преемниками «святых шестидесятых».

В 1880-х гг. образ «святых шестидесятых» становится «местом памяти» для нового поколения «восьмидесятников». Риторика борьбы поколений вновь уступает место идее их преемственности. Однако в качестве социокультурного образца и основания для идентификационных сравнений к образу «шестидесятников» обращается лишь либеральная и народническая молодежь. Для значительной части нового поколения перешедшие в категорию «отцов» «шестидесятники» олицетворяли образ «наивных и мечтательных идеалистов», далеких от нужд и запросов реальной жизни.

Таким образом, поколенческая идентичность становится все более значимой для русских интеллектуалов на протяжении XIX в. В поколенческом дискурсе нашли отражение изменения в восприятии времени, истории, модернизационных процессов в России, так как не случайно ключевыми элементами поколенческой риторики, определяя задачи настоящего и контуры будущего, стали понятия «молодость» и «новиз-

на». Разрыв и преемственность поколений как концепты сосуществовали в одном коммуникативном пространстве, являясь средствами выражения культурной или политической идентичности, и актуализация одного из них во многом определялась социокультурной ситуацией в стране. Русские интеллектуалы, осмысливая действительность, определяя свое место в социуме и потоке истории, создавали «поколения» и вели за них борьбу, что отражало столкновение различных ценностных ориентаций и стратегий поведения. Поколения, их преемственность и разрыв стали значительным социокультурным проектом в России XIX в., воплощая настоящее, конструируя прошлое и будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахиезер А. С.* Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. М., 2000. № 9.
- Богданович Т. А.* Любовь людей шестидесятых годов. Л., 1929.
- Вяземский П. А.* Из «Автобиографического введения» // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Вяземский П. А.* К. Н. Батюшков (Письмо к М. П. Погодину о найденных статьях Батюшкова: «Воспоминание мест, сражений и путешествий» и «Воспоминание о Петине») // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Вяземский П. А.* Отметки при чтении исторического похвального слова Екатерине II, написанного Карамзиным // *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений в 12-ти томах. СПб., 1878–1896. Т. VII.
- Вяземский П. А.* Стихотворения Карамзина // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Вяземский П. А.* Ю. А. Нелединский-Мелецкий // *Вяземский П. А.* Сочинения / Сост., подготовка текста, комментарии М. И. Гиллельсона. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
- Герцен А. И.* Суд в Париже и убийство в Петербурге // *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 19.
- Данилов В. П.* О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. А. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 108–145.
- Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
- Дрыжакова Е.* Герцен на Западе в лабиринте надежд и отречений. СПб.: Академический проект, 1999.
- Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М.: Издательство Московского университета, 1989.
- Ключевский В. О.* Полный курс лекций в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 3.

- Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / сост. В. Федоров. М.: МГУ, 1994.
- Нора П.* Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 2 (30).
- Олейников Д. И.* Поколения в истории России XIX в. // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1.
- Писарев Д. И.* Промахи незрелой мысли // Русское слово. 1864. № 12. II отд.
- Писарев Д. И.* Новый тип // Русское слово. 1865. № 10. II отд.
- Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895.
- Политическая история России: Учеб. пособие / Отв. ред. В. В. Журавлев. М.: Юристъ, 1998.
- Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001.
- Современная летопись // Русское слово. 1862. № 2. II отд.
- Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007.
- Соколов К. Б.* Эстафета поколений русской интеллигенции // Поколения в социокультурном контексте XX в. М.: Наука, 2005. С. 439-470.
- Сорокин В.* Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888. № 12.
- Ткачев П. Н.* Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
- Федотов Г. П.* Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ, 2008.
- Чудакова М.* Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. М., 1998. № 2 (30).
- Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М., Пг., 1923.
- Шелгунов Н. В.* К молодому поколению // Народническая экономическая литература. М.: Соцэкгиз, 1958.
- Шелгунов Н. В.* Борьба поколений // Дело. 1869. № 3.

Родигина Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; natrodigina@list.ru.

Сабурова Татьяна Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета; sabourova@mail.ru.